5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 30 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АВГУСТ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

Рис. Б. Антоновского

ДОВЕРИЕ К ХОЗЯИНУ

КУЛИДЖ (рабочему):— Садитесь пожалуйста!
РАБОЧИЙ (опасливо):— А этот стул — не электрический?

ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ

(Совсем не фантазия)

Наконец, золото и кулак победили. Чемберлен уговорил Пуанкаре, Штреземана, Муссолини и всех остальных вождей твердолобых, безлобых и безмозглых порвать с СССР.

Вокруг Союза Республик поставили высокий забор, чтобы купец не перелезал, чтобы контрабандист не перебежал. Изоляция должна была быть строгая.

И прошло так не много не мало, а целых пять лет.

За первые два года платье у нас немного поистрепалось. Штанов и пиджаков ведь не очень-то у нас много. Скрывать этого не станем. Чего нет, так нет.

К началу третьего года с текстилем, однако, наладили. Да и как было не наладить? Уголь свой. За нефтью в чужие страны бегать не надо. Железо непокупное: под ногами лежит на Урале, в Кривом Роге и в Курской губернии. Шерсть тоже имеется. Овцы каждый год обрастают новой шерстью. А где разводить овец, славу богу, есть. Степей и полей много. Со льном у нас дело всегда обстояло не плохо.

Вышли из мануфактурного кризиса.

Насчет хлеба, овощей и фруктов беспокоиться вообще было нечего. Каждый хлебопашец, у которого есть ум, не затуманенный верой в Николая Чудотворца, знает, что не урожай хозяин человека, а человек хозяин урожая.

Хороший уход за землей. Внимательное обращение с ней. Урожай в кармане.

Не любит земля обмана. А при честном обращении с ней никогда сама не обманет, а также честно оправдает вложенный в нее труд.

С самого начала „блокады" хлеба у нас не было так много, что самим не переесть. Столько же было овощей и фруктов. Сахару у нас всегда было много: всю Европу снабжали сахаром. Один Моссельпром из фруктов и сахару выделывал такие сладкие чудеса, что даже литературные критики не могли ничего обругать, хотя это их ремесло.

Так прошло пять лет. Что делается по ту сторону забора, мы определенно не знали. Доходили иногда смутные слухи о разных международных делах.

Так, например, как-то узналось, что Америка, оставшаяся после „блокады" единственной в мире поставщицей хлеба и других пищевых припасов, так подняла цены на зерно, муку и мясо, что мир только покачал головой и простонал:

— Вот тебе, бабушка, и блокада. Доблокадились!

К концу первого года Франция и Италия уже щеголяли в одном белье: все остальное было проедено.

Англия держалась дольше на целый год. Но потом стала так же раздеваться. Сняла сначала цилиндр, отчего мир ахнул: он увидел, что под цилиндром у Англии совсем нет головы...

Вскоре дошло и до сюртука. Америка любит сюртуки английского покроя и сама охотно их носит.

Америка брала всем: одеждой, картинами, дворцами, историческими памятниками, эйфелевыми башнями, вандомскими колоннами, кельнскими соборами, колизеями, королями и папами римскими.

Последних, т.-е. королей и пап, Америка живыми вставляла в рамки, и они украшали стены самых крупных американских миллиардеров.

Египетские пирамиды пошли за сто пудов зерна. Сейчас же они получили соответствующие переименования. Они стали называться:

— „Гробница Кулиджа". „Гробница Моргана". „Гробница Вандербильдта" и т. д.

Мелкие моря и заливы были выменены на несколько тонн мяса и перевезены в Америку. Их превратили в аквариумы с живой рыбой в шикарных американских ресторанах.

Ходили также слухи о том, что вследствие голода усилилась в Европе детская смертность. Скончалась маленькая Эстония. Крошка Финляндия также пошла к боженьке.

Металась в голодном бреду Польша. Ее воспаленному взгляду все еще мерещилась Украина. Ей казалось, что возле нее стоит Чемберлен, и она молила его:

— Ради Христа, сэр, дайте мне хоть полпорции Киева и небольшой кусочек Харькова. Несколько стаканов Днепра вернет мне жизнь. Ради святой мадонны, сэр...

Разные еще ходили слухи. Многие им не верили Но вскоре и этому вынуждены были поверить.

Однажды, было это в конце пятого года, по ту сторону забора послышался стон.

Наши мужички стали прислушиваться. Стон повторился. И такой он был жалобный, что один мужичок не выдержал и сказал:

— Человеческая душа погибает. Надо бы помочь.

На мужичка накинулись было очень свирепо:

— Ты бы всем готов помочь... Построили забор сами. Зачем строили? Думали, что на нашу погибель. Теперь пусть сами и гибнут.

Но свирепость как-то не удалась... Слова были свирепые, а глаза говорили другое.

— Посмотреть бы, что ли-ча?— говорили глаза.

Первый мужик сказал, ни на кого не глядя:

— Ломать, что ли, забор.

Первый, кто сказал „пусть гибнут", сердито принес топор и одним ударом вышиб доску.

За забором лежал человек в истлевшей одежде, босой, обросший седой бородой. Губы были у него запекшиеся, а в глазах почти что не было жизни.

— С голодухи это!—сказали мужички:—Принесите кто-нибудь хлебца.

При последних словах у нищего глаза оживились, он недоверчиво спросил:

— Хлебца... Разве на свете еще существует хлеб?

— Существует... Отчего не существовать? Это у вас нет, потому что подлец у вас один есть, Чемберлен его фамилия. До чего довел вас, сволочь коричневая!

— И вы мне дадите хлеба? Не обманываете?

Мужички пожали плечами.

— Конечно, дадим. Ешь, сколько хочешь. Это Чемберлен—мерзавец - не дал бы. У нас отнять хотел... И рубашку тебе дадим.

— Рубашку? Разве у вас есть полотно?

— Отчего же ему не быть? И полотно есть, и ситец, и сукно. Обернулись. Это только дурак Чемберлен думал, что не обернемся. А вышло вот по-иному.

Принесли хлеба, нищий накинулся на него, как дикий зверь. Один из мужичков спросил его:

— Кто же ты такой? Как зовут?

Но нищий не отвечал. Во-первых, потому что рот у него был набит хлебом, во-вторых, потому что не мог же он сказать, что это он и есть тот самый, которого только что называли подлецом, мерзавцем, дураком и т. д.

Забор мужички сломали.

Нельзя же, чтобы из-за сотни подлецов страдал весь пролетариат.

Чемберлена даже не повесили. Ученые не допустили, сказав:

— Его надо проткнуть булавкой и посадить под стеклянный колпак. Потому он последний экземпляр самого вредного насекомого, существовавшего когда-либо на земном шаре.

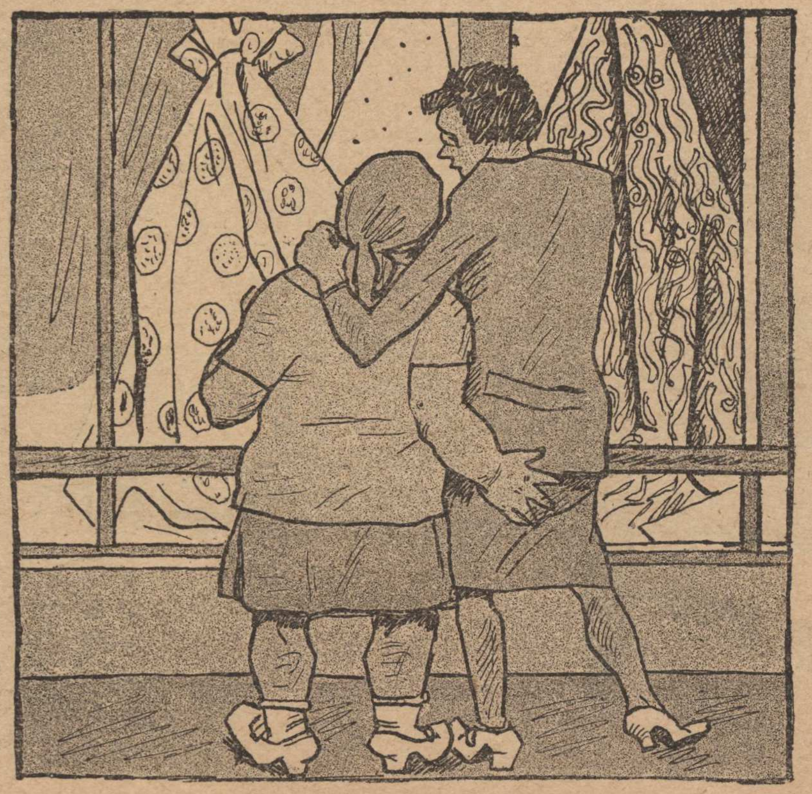
Сделали, как сказали ученые. Таким образом, наука спасла Чемберлена от виселицы.

О. Л. Д'ОР

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Рис. И. Малютина

1-я СТУДЕНТКА-МЕДИЧКА: — Какой великолепный рисунок: холерные вибрионы в поле зрения микроскопа!

2-я: — А мне больше нравится рисунок: коховские палочки в перемежку с тифозными бациллами!

ОБЫВАТЕЛЬ ГОТОВИТСЯ

Рис. И. Каликина

ГОСТЬ: — Беспременно война будет. Надо запасаться провизией.
ХОЗЯИН: — Мы, Иван Иваныч, уже запаслись. Кушайте на здоровье.

ПРОЕКТ

На одном из совещаний военных работников т. Ворошилов рассказал о некоем „ответственном" военработнике, представившем очень подробный доклад о необходимости введения „чинов и орденов". Надо сознаться, что такого рода „мечтания" не единичны.

Из газетной статьи.

УВАЖАЕМЫЙ гражданин редактор! Закончив ныне свой трехлетний революционный труд под названием „Табель о рангах и чинах Советской Союзной Республики", обращаюсь к вам с необходимыми раз'яснениями.

Как часто, глядя на иного ответственного работника, вознесенного судьбой на высокий пост управдела или самого председателя, скорбел я и думал: — „Нет, нет уже у начальства прежнего вида и достоинства. А главное, чем отличить высокоответственное лицо от беспартийного смертного, ежели на нем нет ни чинов, ни регалий?"

И, не скрою, мысль сия заставляла меня углубляться в прошлое. Но не о том прошлом контр-революционного царского режима осмеливался я рассуждать. Отнюдь! В старые меха, как говорит бывшее священное писание, надо влить новое вино.

И вот, думаю, не пора ли ввести новые, революционные чины и регалии? Ибо ежели у военных есть еще ромбы и звездочки, то что же осталось нам, штатским совслужащим, кроме тарифной сетки и значка Осоавиахима?

Но почему не утвердить вновь табель о гражданских чинах?

Низшим чином полагаю считать чин „красного коллежского регистратора". Думаю, что слово „коллежский" замене не подлежит, так как не противоречит, а даже наоборот соответствует. Ибо не основной ли принцип всего управления нашего — коллегиальный.

Переходя к последующим чинам, предлагаю ряд изменений:

Так титулярного советника безусловно по-революционному надлежит переименовать в „советника со стажем", коллежского асессора — в „управдел-асессора" и т. п.

Что же касается статского, действительного статского и тайного советников, то таковых, полагаю, следует в рассуждении нового быта именовать: статский комиссар, действительный и, наконец, тайный комиссар. Некоторые же чины, как, например, губернский секретарь и надворный советник, как не противоречащие учению нашего великого учителя Маркса, следует оставить без изменений.

Еще большие и замечательные реформы я предлагаю в отношении гражданских орденов.

Принимая за основу старые, считаю уместным искоренить буржуазные имена: Анна, Владимир и Станислав, ибо, думаю, не достоин ли украшать сознательную грудь честного совработника орден Красные Александры Коллонтай IV степени или тов. Семашко II-ой.

В научном труде моем означенные ордена подробно описаны и изучены. А потому, не останавливаясь на них, перейду к остальным мучающим меня и неразрешенным вопросам.

Полагаю: вопросы эти надлежит рассмотреть, согласовать и передать в соответствующую комиссию.

Не вдаваясь в подробности о форме для различных ведомств, коей уделено специальных три главы моего труда, обращаюсь к Вам, гражданин редактор, с покорнейшей просьбой: о зачислении меня штатным красным изобретателем при каком-нибудь учреждении со ставкой по 17 разряду и присвоением мне чина хотя бы „стажного советника", равно как и отдельной комнаты для продолжения научных занятий.

К сему б. статский советник, ныне сокращенный красный архивариус, —

Н. С. Негодуй-Заболотный.

Переписал *И. СВЭН*

ПАРОВОЗОВЫ ГОЛОСА

На рассвете, когда еще спит округа,
Поработав молотом и серпом,
Переговариваются друг с другом
Паровозы из разных депо.

Семафоры меняют масти,
Синеет на рельсах роса,
И хриплы по большей части
Паровозовы голоса.

Возле контрольной вышки,
Тысячесильный „Пасифик"
Клокочет паром в одышке:
Болен старик.

Таков ли он был вначале,
Покамест от Колчака
Тяжко не пострадали
Грудь его и бока.

Покамест саксы и севры
Из усадеб спасал его брат,
Он на фронте выкашливал плевры,
Подвозя за отрядом отряд.

А теперь он плетется в обозе,
И прямо в уши ему
Кричит мальчишка-паровозик:
— Де-де-де-душка! Ау!

А вот... идет... шелковым ходом,
Скосив огненный глаз,
Выкормыш Сормовского завода,
Лучший у нас.

Легкоколесый, высокогрудый,
Послушный узде,
Его гуды и перегуды
Раздаются везде.

Кормленный лучшим углем,
Великолепен и строг,
Он пойдет по Союзу Республик,
По сети его дорог.

А там вдали, за рекой и полем,
Где грузят рожь и овес,
Какой-то недоволен
Строптивый паровоз.

Чудаковат и странен,
Шипит сердито он,
Хотя он англичанин,
Хотя он Стефенсон.

Уперся на пригорке,
Ни взад и ни вперед,
Бранится во все корки,
Буксует и орет.

Орет, и эхо раннее
Разносит хриплый крик:
— Я у себя в Британии
К такому не привык.

Помилуйте, мустанг ли я,
Чтобы брать барьер? —
(Сормовский, издали):
— Это тебе не Англия,
А Эсэсэсэр.

ВЕРА ИНБЕР

МЕДВЕДЬ НЕ ВЫДЕРЖАЛ

Группа ленинградских артистов с режиссером Ивановским участвовала в с'емке картины „Северная любовь". Когда артисты и артистки, изображавшие охотников и охотниц, инсценировали облаву на зверей, борец Гладильщиков пустил своего прирученного медведя. Медведь набросился на артистов и на своего хозяина

Рис. А. Радакова

Из газет.

МЕДВЕДЬ (заканчивая свои показания): — Вы, товарищ председатель, ежели прочитали бы сценарий, — сами бы на людей бросаться стали!..

АПОЛЛОН И ЛЮБКА

(Необыкновенная, но истинная история)

ЛЕТОМ прошлого года, в знойный июньский день — на пастбище, за околицей села, в долине, которая качается прекрасным зеленым озером между речкой Нетычи и старым татарским кладбищем — встретились Аполлон и Любка.

Он был — крепыш и красавец, и Любка была молода и хороша собой, но умом не отличалась.

Васька — деревенский пастух — вздремнул на солнцепеке под буркой

Антипка — курносый парень, замглавпастуха, распластавшись под одиноким деревом лицом в небо, запустил указательный палец в правую ноздрю, постигая превосходство союза горняков над всерабземлесом.

Худлатая овчарка „Ворон", заедаемая июньскими мухами, несла вахту тревожно и рассеянно.

Коровы мирно дремали.

А вокруг... ах, вокруг опьяняюще пахли июньские травы, — пахли и кружили голову непередаваемым дурманом. Пело, как говорится, солнце. И где-то, близко, в роще, заливались неведомые птицы.

ИМЕННО в этот неописуемый час вышел из рощи на поляну Аполлон.

Он вышел на поляну, — увидал Любку, стал близко, поднял на нее свои большие, тяжелые от любви и страсти, глаза и глухо, но властно мммы-ммы-кнул:

— ... мммм!..

От этого голоса — Любка вздрогнула мелкой и колючей дрожью. Она вздрогнула, и, не проронив ни слова, — подняла на Аполлона глаза, — покорные и обреченные. И... они полюбили друг-друга.

И любовь закипела в них, как может закипеть любовь в июне, в степи, где простор и гремучие травы.

В тот же день, в роще, которая подняла свой частокол над старым татарским кладбищем — Любка доверилась Аполлону и отдалась ему, как умеют отдаваться только неврастенические натуры, — без слов, без торга, без регистрации.

ПЕРВЫЙ проболтал о распутной жизни „Любки" — зампастуха, товарищ Антипка курносый.

Потом узнал сам Вася — главпастух, — узнал, и исполняя свой общественный долг до конца, — донес о том старухе Ирине Серебряковой, у которой Любка жила. Потом узнало о случившемся все село.

Любка наливалась и круглилась. Она наливалась силой и несказанной бабьей гордостью.

Аполлон вился вокруг нее, как жених и как законный муж.

Вечером, плюнув на все предрассудки, Аполлон медленно, степенно и важно шагал рядом со своей спутницей и женой. Он провожал ее до самой калитки и уходил только тогда, когда раздавался недовольный голос старухи хозяйки Ирины Степановны.

В ЛЮБВИ и радости текло время.

Худели календари в сельсовете, а Любка полнела и полнела. На четвертом месяце она почувствовала, как трепетно забилась у нее под сердцем новая и прекрасная жизнь. А на девятом, морозным и туманным рассветом, новая эта жизнь властно постучалась в мир, и Любка разрешилась от бремени красавцем сыном — вылитый портрет своего отца-Аполлона.

Но в тот час, когда в одни ворота радостно стучалась жизнь, — в другие постучалась смерть.

Роды были у Любки тяжелые и неблагополучные. Любка только короткий день полюбовалась сыном, и ночью, тараща добрые, ласковые и мучительные свои глаза на перекошенное лицо Ирины Степановны, — она сгорела, схваченная родильной горячкой.

Горе Ирины Степановны не поддавалось описанию. На руках у бедной женщины остался разнесчастный сирота, которому нужны были материнские тепло и корм. А в хате Ирины Степановны было нетоплено, и в кладовке — пусто, как бывает пусто в феврале у последней беднячки.

Мальчишка стал худеть и чахнуть. Нужно было принять решительные меры, и тут случай счастливо скрестил пути Ирины Степановны с местным подпольным „аблокатом".

„АБЛОКАТ" выпил кружку самогона, долго морщил лоб и об'яснил старухе, что дело совсем простое и несложное.

— Очень просто — сказал аблокат, хмелея — оченно это все просто и даже индиферентно! Дело будет — об „алиментах". Мы на то и проливали обчественную нашу кровь, чтоб по полному праву требовать. А такого закона еще тоже нет, чтоб всякий мог изводить со света в виду родов по причине любви. Нету, очень просто, такого закона! А раз сотворил жизнь — так плати и на воспитание!

И тут же, хмелея от второй кружки самогона, „аблокат" настрочил в суд „исковое прошение" и в исковом этом прошении, очень просто и даже индиферентно излагал „горькую судьбу покойницы Любки, доказывая, что она погибла без уважительных причин, а вследствие трагического совпадения с Аполлоном...

И требовалось в исковом прошении, чтобы сын, — именуемый Аполлончиком — был взят на содержание отцом своим — Аполлоном, а так как сам таковой „Аполлон" никакими гражданскими провами не изобличен — то и взыскать с его держателя, кулака и эксплоататора, Ивана Непомнящего, стоимость покойной Любки и на воспитание беспризорного Аполлончика...

И БЫЛО все, как у людей бывает.

Был суд. Камера до отказа набухла народом, который привалил на неслыханное это дело. Явилась истица, Ирина Степановна, ведя с собой незаконно прижитого покойной Любкой Аполлончика.

Виновник судебного торжества грустно и молчаливо стоял в стороне, как-будто его дело не касалось.

И были документы.

И один, убийственный для вдовы, документ, представленный ответчиком и снабженный подписями всех соседей, гласил о том, что Аполлон вот уже год, как бесплоден, и отцом, очень просто, то-есть, по справедливости, признан быть не может.

Тень, брошенная на честное, незапятнанное имя покойной Любки, которая как-раз славилась примерным своим поведением, вызвало всеобщее возмущение.

Ирина Степановна даже взяла слово и, захлебываясь от волнения, поклялась, что это ложь и кулацкие выдумки, что покойная ни с кем не путалась, только с одним Аполлоном честно жила и ни от кого не скрывала.

Старуха клялась долго. И зал дружно поддерживал ее.

Но дело чрезвычайно запуталось.

И судья, чтобы судить о нем с большей об'ективностью, дело отложил для вызова экспертов.

АЛ. СВЕТЛОВ

От автора.

Где дело это слушалось? В нарсуде села Беляево за № 109.

Ответчиком по делу, — упустил эту подробность, — был местный, то-есть, деревенский бык-производитель, носящий прекрасное историческое имя — Аполлон, принадлежащий местному, нетрудовому кулаку Ивану Непомнящему, а истицей — покойная местная корова — Любка, бывшей владелицей которой состоит честная незаможная вдова, Ирина Серебрякова, убитая горем от преждевременной смерти дорогой, незабвенной животной.

РЕЗОННО

Рис. Б. Антоновского

— Сколько с меня за бритье?

— Рубль.

— А у вас-же написано: „Бритье—50 копеек".

— Да, но у вас-же двойной подбородок!

ПРИБЛИЗИТЕЛЬ

Рис. Н. Радлова

— Почему вы, Матвей Федорович, в театре всегда с биноклем?
— А потому что как же иначе театр приблизишь к массам?

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В одном из последних номеров „Комсомольской Правды“ В. Маяковский прорицает:

Боритесь
    за чистый стол и стул!
Товарищи,
    больше попыток
Ввести
    электричество и чистоту
В безрадостность нашего быта.

Тов. Маяковский Опомнитесь! Перечитайте внимательнее эти строки, и вы убедитесь, что призываете бороться за... электрический стул!..

*

Из романа И. Лукашина „Через пни“, изданного „Никитинскими субботниками“:

> Как засекали на смерть крестьянских невинных девушек, как их отрывали от мужей...

Где же это видано, чтобы у девушек, да еще невинных, мужь» были?

Если уж И. Лукашину так хочется писать о замужних девушках,— мы советуем ему назвать свой роман не „Через пни“, а „Через пень-колоду“...

*

В художественно-литературном альманахе „Пролетарий“, в рассказе Новикова-Прибоя „Женщина в море“, на странице 21, читаем:

> Копируя англичан, он брил лицо и верхнюю губу.

Интересно, на каком же месте помещалась у героя рассказа эта самая губа? Ужели не на лице?

Как п ется в известном цыганском романсе: „Я поцелуями покрою уста, и очи, и лицо“...

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Английская компания назвала один из своих пароходов „Сун-Ят-Сен".

Рис. И. Малютина

— Смотри, до чего они додумались.
— Ничего! Зато нам потом меньше судов переименовывать придется!

ТОЧНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Рис. Б. М.

— Вы говорите, что обвиняемый ударил вас бутылкой?
— Нет, товарищ судья, — половинкой.

ИЗ ЗАПИСЕЙ СЧЕТОВОДА ПТИЦЫНА

◆ У нашего зава вечное перо: приходится ждать целую вечность, покамест он подпишет.

◆ Точно я приготовишка какой нибудь: вчера за письменный приказ удостоился устного выговора.

◆ Полная радиофикация: жена никак не может настроиться, соседка — форменный громкоговоритель, сын одним киловаттами выражается, на службе сплошные колебания, а я для всех этих неприятностей приемник и передатчик.

◆ Нет, в цирке лучше. Балансируют за пять минут, публика принимает с аплодисментами а у нас баланс не меньше двух месяцев, да и то еще.. примут ли?

◆ У нашего парикмахера Евстигнея Степановича Кнопкина на вывеске значится: „Мужской и дамский Серж". Выразительно.

◆ Читал в газете описание одного помещения: мягкая мебель, ковры, подношения, адреса. Думал, что это приемная шаха персидского, а оказалась — тюрьма Бориса Коверды.

◆ Одна фабрика выпустила никуда негодный коленкор, редкий, как кисея. Как говорится Совсем другой коленкор.

◆ В моей библиотеке полный набор книг: из классической литературы — гроссбух, из ежедневной — приходо-расходная, из приятного чтения — чековая, из обязательного — профсоюзная из юмористики — „Белая книга" Болдуина.

МИХ. КОССОВСКИЙ

ЖАСМИН ПРОЛЕТАРОВ - ВСЕСОЮЗНЫЙ

(Материалы для биографии)

Сначала — карточка.
Этакий изящный лист.
На карточке — мужчина бритый и грузный.
Под мужчиной — подпись: —
Сверх - юморист
Жасмин Пролетаров - Всесоюзный.
По возвращении с Запада,
Турнэ
По северу, югу и востоку!
Архангельск, Вологда, Балта!
Ялта!
Кавказ! Сибирь! Туркестан!
У мужчины — солидный стан,
Толстые губы. Отличный пробор.
Мужчину знает каждый афишный забор,
Не исключая окраин Москвы, Ленинграда.
Жасмин Пролетаров!
Рррр — Революционная эстрада!!
Позвольте представить, он у всех на виду,
Шествует к славе, от букета к букету...
А теперь разрешите анкету: —

Что пели в четырнадцатом году?

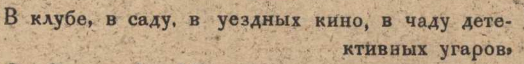
Мужья сражаются на фронте,
Любви лишенные вполне.
Вы жен невинных их не троньте...
Ву компрене? Ву компрене? *)
Мы со стыда давно сгораем,
Но, а-ля-гер, ком на войне,—
Мужьям мы верность соблюдаем...
Ву компрене? Ву компрене?

Во время Февральской революции?

Мужья сражались за свободу,
Любви лишенные впо не.
Зато вошло у жен их в моду...
Ву компрене? Ву компрене?
Мы немцев бить давно желаем,
Но а-ля-гер, ком на войне —
Мужьям мы верность соблюдаем..
Ву компрене? Ву компрене?

После Октябрьской революции?

Умрем, голубка, за свободу,
Враг не добит еще вполне,
Послужим мы с тобой народу..
Ву компрене? Ву компрене?
Так пролетарий пролетарку
В рабочей обнимал стране,
И полыхало знамя ярко...
Ву компрене? Ву компрене?

В наши дни?

Одни сражаются на фронте
На производственном вполне
Но машинисток их не троньте...
Ву компрене? Ву компрене?
Мы со стыда давно сгораем,
Но а-ля-трест, ком на войне —
Мы завам верность соблюдаем...
Ву компрене? Ву компрене?

В клубе, в саду, в уездных кино, в чаду детективных угаров,
От Симеиза до Чухломы,
„Красный Сатирик" Жасмин Пролетаров
Питает сердца и умы.
А мы?
Мы, Жасмину не рады,
Сидим у... Главлита и ждем эстрады.

АЛ. МАКЕДОНСКИЙ

*) Вы понимаете?

КОЖКОМАНДИРОВКА

— Ну, что это вы все гладите и щиплете мою кожу?
— Надо-же, Зизи, чем-нибудь оправдать „командировку по закупке кожи"!..

„ТАНЦЕМАНИЯ"

— Почему это сапожник Соткин так охотно жертвует на устройство танцевалок в клубе?
— Да уж больно много потом к нему **починки** тащат!..

ОПТИМИСТ

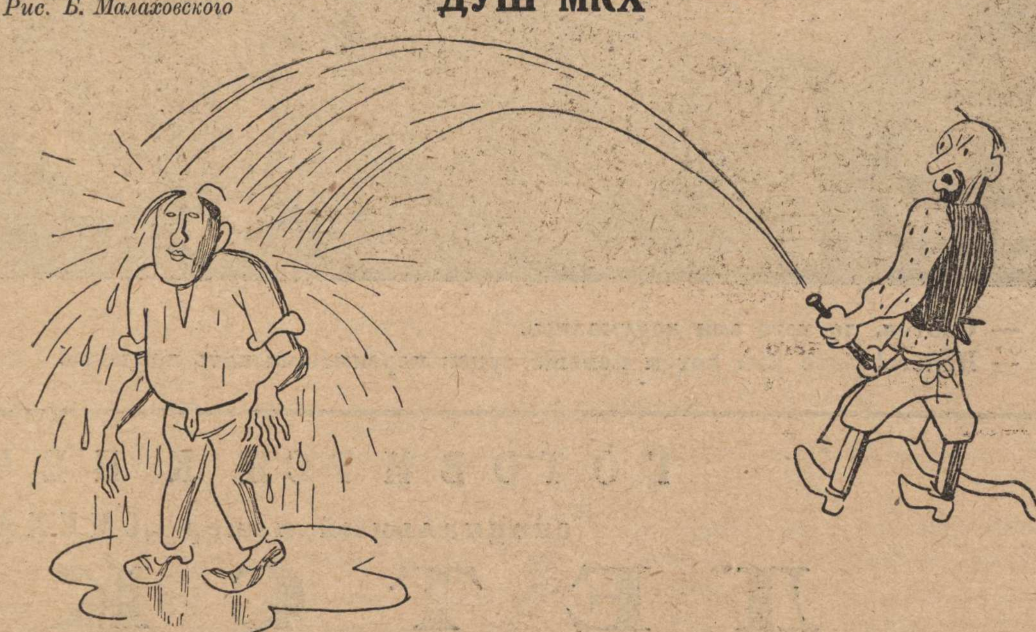
— Послушайте, разве у вас и на сельди цены снижены?
— Нет. А что?
— Да вот в селедке живые черви.
— Гражданочка! Всюду жизнь!

ПЕРВЫЙ ИЗ ПЕРВЫХ

— Кем, по преданью, был Ной?
— Первым ответственным с'емщиком квартиры.

ДУШ МКХ

Рис. Б. Малаховского

— Да вы с ума сошли! Что вы под кишку прете?
— А мне доктор приписал обливание. В лечебнице не достоишься!

Рис. М. Черемных

„ДО СВИДАНЬЯ!.. ДО СВИДАНЬЯ!..“

Текст М. Пустынина

Отдых! Честь тебе и место!
Нас в об'ятья заключи!
Ждут гостей к себе Мацеста
И Горячие Ключи...
Глубже в горы! Дальше в море!
На курорт мы держим путь!
В каждой фибре, в каждой поре
Пышет жажда — отдохнуть!

Сколько шири и уюта!
Позабыт машинок треск.
Вместо подписей — каюта,
Вместо справок — Волги блеск!
В гуме, в тресте ли, в конторе
Серых будней вьется нить...
На живое надо море —
Море цифр переменить!

От работы срочной, важной —
К безответственной поре!
От горы уйти бумажной
К зноем дышащей горе!
Все гудки уж прогудели!
Волгу режет пароход...
Бросить труд на две недели,
Чтоб трудиться круглый год!

Уезжают — в ликованьи,
Провожают — мысль тая:
— „До свиданья! До свиданья!
Нынче — ты, а завтра — я!“
Сердце выпрыгнуть готово.
Каждый миг и жгуч, и нов...
Отпуск! Отпуск! — Это слово
Музыкальней всяких слов!..

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

ОДНИМ из наиболее дешевых, приятных и полезных дачных развлечений является, несомненно, рыбная ловля.

Что же нужно для рыбной ловли?

Во-первых — у д о ч к а.

Очень удачную удочку можно осуществить домашними средствами.

Как известно, удочка состоит из крючка, лесы и удилища.

Первое и второе всегда найдется у вашей жены; или (если вы холостой) — у вашей квартирной хозяйки.

* * *

Несколько слов насчет крючка. Конечно, проще всего было бы взять готовый крючок из тех, какие жена пришивает к воротнику.

Но, к сожалению, замечено, что рыба не хочет „застегиваться“ на подобный крючок.

Поэтому лучше согнуть крючок из обыкновенной булавки. Когда крючок, таким образом, готов, его следует подвязать к лесе, при чем обязательно за головку булавки; острый конец предназначается для рыбы. Да, к тому же, на остром конце никак не будет держаться леса.

В качестве лесы надо взять наиболее крепкий кусок нитки.

Найти такой кусок не составит большого труда, хотя и займет порядочно времени.

Вы берете катушку, разматываете постепенно и пробуете натягивать. Если нитка рвется на всем протяжении, значит, она не годилась. Тогда вы берете следующую катушку.

В конце-концов, перепробовав все катушки, вы несомненно нападете на удачный кусок, длиною метра в два-три.

Это и будет леса, которую останется прикрепить с одного конца к крючку, с другого — к удилищу. Какой конец куда — совершенно безразлично. Не бойтесь перепутать концы.

Здесь важно запомнить одно: нельзя крючок и удилище привязывать к одному концу. Предостерегаем от этой грубой технической ошибки.

Удилище удобнее всего делать складным, что облегчает езду в трамвае.

Очень легко подобное удилище составляется из швабры (с предварительно снятой мочалкой) и дождевого зонта, подвязанного к ней сверху.

Тут вы разом убиваете двух зайцев: ловите рыбу и ограждаете себя от дождя.

Итак, удочка готова. Теперь вы должны подумать о приманке для рыбы, ибо замечено, что на голый крючок рыба не идет.

Хорошей приманкой служат мухи и дождевые черви. В качестве мух вы можете взять обыкновенных домашних, наловив их нижеследующим способом.

За чаем вы ждете, пока муха неосторожно сядет на краешек стакана. Тогда стремительным движением ладони вы стараетесь схватить и зажать муху. Если муха все же увернулась и улетела, вы повторяете то же самое до победного конца.

Если при этом, от неосторожности, задет и разбился стакан, вы берете новый.

Чтобы ускорить работу, вы можете мобилизовать на ловлю мух всех ваших домашних.

Заинтересуйте мухой ваших соседей — и они тоже примут живейшее участие.

Таким образом, вы будете обеспечены солидным количеством этих крылатых насекомых.

С червями дело обстоит иначе. Червяков невозможно найти в обычной домашней обстановке. Они живут в сырой земле, под камнями. Стоит только поднять камень, как вы их увидите.

* * *

К сожалению, не везде есть камни. В этом случае можно привести из города кусочек фундамента от бывшего дома и положить его на видном месте (иначе украдут!).

Червяки, зная, что им надлежит быть под камнем, немедленно сползутся со всех концов, предлагая вам свои услуги в любое время.

Теперь вы обеспечены всем необходимым для рыбной ловли.

Остается найти море, реку, озеро или пруд, но за этим дело не станет, так как известно из географии, что $^4/_5$ земного шара заняты водой и только $^1/_5$ — сушей. В подобных условиях немыслимо не найти воды, более или менее близко от вашей дачи. А где вода, там и рыба, любящая, как известно, плавать.

Какую же рыбу вы будете ловить? Излишне говорить, что всякий сознательный рыболов, прежде, нежели приступить к ловле, должен всесторонне ознакомиться с рыбой.

На всякий случай, перечисляем вкратце наиболее популярные сорта рыбы, могущие заинтересовать начинающего рыболова.

Акула обыкновенная (Carcharias glanlus). Эту рыбу легко распознать. Большое веретенообразное тело (длиной до 7 метров), рыло острое, имеющее наверху носовые отверстия, а внизу — рот с сильным зубным аппаратом.

На приманку бросается хищно, как и ее однофамилица — а к у л а к а п и т а л и з м а. Глотает не только крючок с червяком, но и удочку с рыболовом.

Наши рыболовы могут ее встретить в Средиземном море.

Акулина Поликарповна. Не рыба. Упоминаем только потому, что часто встречается на берегу и отвлекает рыболова.

Бычки в томате (Cottus bubalis „tomatus“). Не трудно узнать по коробке, на которой обычно имеется портрет этой интересной рыбки.

В том же мелком роде — **Шпроты. Из селедок:** рекомендуем ловить к о р о л е в с к у ю — дороже и вкусней. Только не ловите слишком соленую.

ИВ. ПРУТКОВ

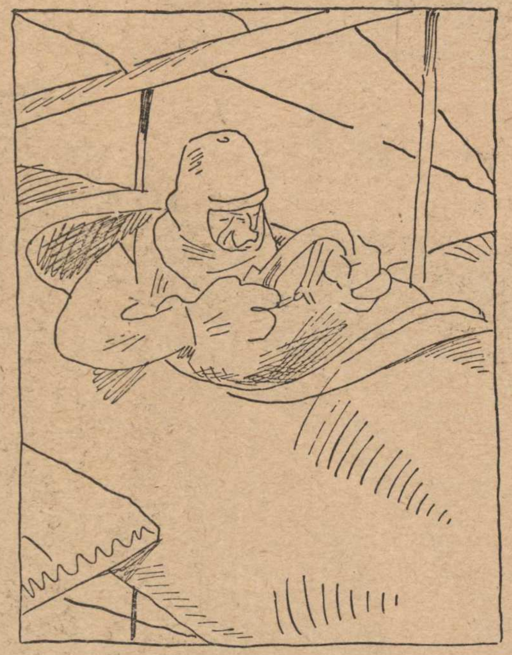
КТО КАК СПИТ

Рис. Б. Антоновского

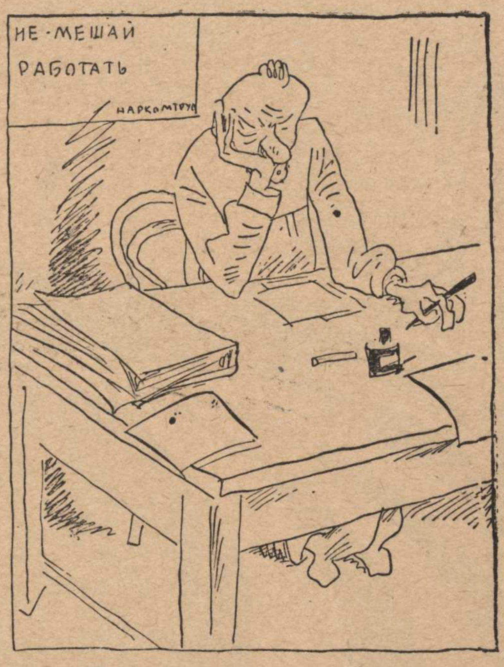

Пьяный—на ходу.

Летчик - на лету.

Совслужащий—на работе.

О СОЛНЦЕ И ЛУНЕ

I. Солнце в „отставке"

Свинья (кобенится). Правда ли, сказывают, на небе-де солнышко светит?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. Так ли, полно? Никаких я солнцев, живучи в хлеву, словно не видывала!

Правда. Это оттого, свинья, что когда природа создавала тебя, то создаваючи, приговаривала: не видать тебе, свинья, солнца красного.

Свинья. Ой ли? (Авторитетно). А по-моему, так все эти солнцы — одно лжеучение... есь?

Этот разговор между Свиньей и Правдой передал, как известно, М. Е. Салтыков-Щедрин в его сценке „Торжествующая свинья".

— Эка невидаль, подумаешь, солнце! В век электричества пора бы, казалось, авторитет солнца не ставить уж так высоко. К тому же солнце — вообще подозрительное в политическом отношении существо: во-первых, оно желтое, как II Интернационал, а во-вторых — оно служит одинаково как буржуям, так и пролетариату. Одним словом — „и нашим, и вашим"...

Так рассуждал спец по малярным делам красноярского коммунхоза, когда под его руководством заканчивалась работа по окраске крыши красноярской больницы. И когда крыша уже была выкрашена и перед спецом по малярным делам встал вопрос о сушке ее, он решил, что способ сушки крыши при помощи солнца есть, в сущности говоря, дедовский способ.

То ли дело сушка крыши при помощи электричества!

Прикрепить к железной крыше электрический провод, включить ток — и дело готово...

Так и сделали с больничной крышей в Красноярске. И произошло от этого невероятное чудо.

— „Всю зиму электрифицировалась крыша, и осталась она на весну более чистой, нежели полы в больничных палатах, ибо ни один голубок не оставил на ней обычных своих следов"— так повествует историк, описывающий этот замечательный опыт „отставки" солнца, как примитивного орудия для сушки крыши.

Правда, всю зиму крыша поглощала массу тока, больница, поэтому, жила в полутьме и кое-кто из больных успел попортить глаза. Но зато не совсем дешевый опыт упразднения солнца дал блестящие для нашей науки результаты, доказав, что щедринская торжествующая свинья не совсем ошибалась, когда говорила, что по ее мнению „все эти солнцы—одно лжеучение"..

II. Постановление о луне

В Топоркинской волости (Татреспублика) был созван сельский сход. На повестке дня схода, против обыкновения, стоял один только вопрос:

— О лунном затмении.

Докладчик по этому вопросу очень долго об'яснял сходу, что такое солнце, луна и звезды и отчего происходит солнечное и лунное затмение.

И надо отдать ему справедливость, он в конце-концов добился авторитетного раз'яснения сходом причин лунного затмения.

Протокол сельского схода по вопросу о лунном затмении гласит:

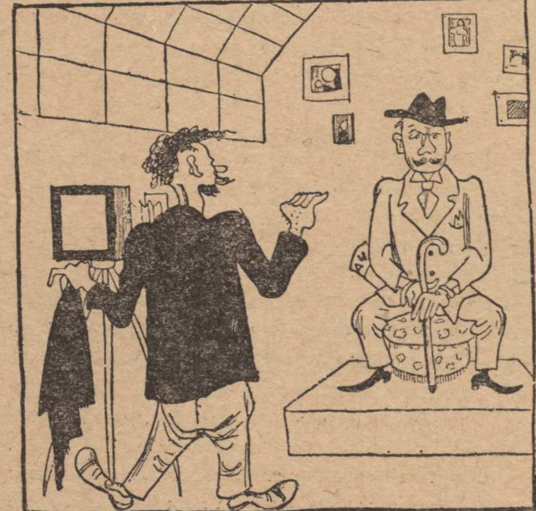
— „После продолжительного обсуждения, большинством голосов постановили: затмение луны происходит не от бога, а от природы".

Несомненно, что и этот сельский сход по вопросу о луне, как и красноярский опыт с солнцем, является ценным вкладом в нашу астрономическую науку, хотя, как видно из цитируемого протокола, не все участники сельского схода согласились с той точкой зрения, что „затмение луны происходит не от бога".

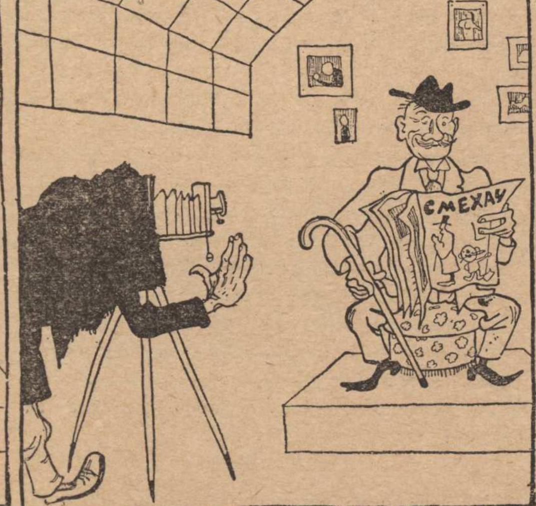
ГР. ЛЬВОВИЧ

У ФОТОГРАФА

Рис. Б. Малаховского

— Примите вашу естественную позу.

— Так. Хорошо. Благодарю вас!

ЛЮБОВЬ К ПОТРЕБИТЕЛЮ

— Почему вы не выбрасываете эту гниль?

— Как не выбрасываем? Выбрасываем. На рынок.

НА ПЕТРОВКЕ

— Смотрите, да ведь он одет с иголочки.

— Я думаю. Он на иголках нажил цел е состояние.

БЫВАЕТ

— Ну, как ваш вновь выстроенный дом встретил новых жильцов?

— Да уж как говорится, рассыпается перед ними—хоть снова ремонтируй!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Уголок Парижа

Необычайное оживление наблюдалось в московском Посредническом Бюро Работников Искусств, когда на стене появилось такое об'явление:

Завтра, 25 Июня, в 2 часа дня, к режиссеру Ф. А. Оцеп вызываются на просмотр типа 35 проституток и четыре городовых.

А говорят, что для эмигрантов дело в СССР не найдется! Все же мы рекомендовали бы деятелям кино, помимо 35 проституток и трех городовых, вызвать на просмотр типа хоть одного грамотного типа.

Книга без штанов

Бурные торжества состоялись недавно в гор. Бийске по случаю десятилетнего юбилея Бийской профорганизации работников полиграфического производства.

В вихре воспоминаний закружились восемьдесят восемь членов Бийского Полиграфсоюза и на радостях выпустили юбилейный сборник.

Несомненно сборник попадет в историю, ибо в него попали такие, примерно, истории:

Наборщик К. жил супружеской жизнью с наборщицей Т—вой, потом разошелся с ней. Она подала заявление общему собранию, что за время совместной жизни израсходовала на него 50 рублей — купила костюм. Вызвали обоих на общее собрание и давай судить — кто прав, кто виноват. — „Видите, на нем новые штаны, это я их ему купила, пусть снимет и отдаст мне“. „Снять с него штаны“ — закричали некоторые из присутствующих.

Неизвестно, сняли ли с наборщика штаны, но редакторов этого сборника, изобилующего еще многими юбилейными перлами в этаком роде, снять необходимо.

Сочинская грязь

По соседству с курортом Сочи находятся так называемые Мацестинские лечебные грязи, разливающие вокруг себя безвредную, но крепкую вонь. Теперь Сочи будут славиться новой пахучей достопримечательностью — „Сочинским курортным бюллетенем“.

Теперь заткните, читатели, нос. Вот какая грязь сочится из столбцов этого бюллетеня (№ 11).

„Одна молодая женщина, из нашего дома отдыха, рассказывает, что в результате нескольких лет пребывания в домах отдыха, она пришла к заключению, что больше 2—3 вечеров с одним мужчиной проводить нельзя, так как его вполне нормальное поведение изменяется. Его уста тянутся к ее устам. Происходит ссора и разрыв“.

„Безусловно имеются и такие особы, которые не скупятся на свои поцелуи и расточают их широко. Не может быть сомнений, что встречаются и отдельные случаи полной половой активности“.

„Опаснее общаться с мужчинами, проведшими на отдыхе 2—3 недели, благодаря чему их половая активность повышается“.

Это и видно из вышеприведенной половой статейки некоего Советова. Но нельзя же эту активность демонстрировать на глазах у всей почтеннейшей публики, населяющей Сочи... Как решается сочинская редакция общаться с мужчиной, „нормальное поведение“ которого требует активного вмешательства психиатра?

Зашумело в голове

Старая песенка на новый костромской лад...

Чижик, чижик, где ты был?..
Я в госспирте водку пил...

Выпив стопку, выпив две, гражданин Чижик отправил в костромское ЦРК следующее заявление:

„Кострома. ЦРК. Нельзя ли устроить „будку“ (закусочную) на Молочной горе, где Госспирт, дабы уничтожить заразу. А то неудобно. Приходишь, и чашку тебе дают грязную и стопку.. Чижик“. („Северная Правда“).

Что грязная чашка, гражданин Чижик! Вы бы после выпивки в живот свой заглянули, вот где, действительно, зараза. Чашка тут не при чем!

САХАРНО МОРОЖЕНО

Рис. И. Малютина

— **Вам с вафлями или без?**
— **А какая разница?**
— **Без вафель меньше животом мучиться будете.**

Назвался груздем...

Администрация Мологарсоюза (Николаев) обратилась в милицию с просьбой задержать ее сотрудника, пропивающего в пивной кооперативную выручку. Фамилия сотрудника — Непейпиво.

Да будет гр. Непейпиво, не послушавший своей фамилии и растративший казенные деньги, именоваться впредь:

— Селзаделo!..

Райский уголок

Кабинет врача больницы торецкого госзавода (Дружковка) конкурирует с крымским пляжем...

Однако, неблагодарные клиенты, как всегда, недовольны больничными порядками.

Врач пригласил женщин в кабинет, в котором были уже мужчины, и предложил всем раздеться.

Женщины не сочли это удобным и стали просить врача, чтобы он раньше отпустил мужчин, а затем уж их. Но врач посмотрел на это иначе:

— Раз вам стыдно, значит вы не больны!..

Перефразируя софизм дружковского врача, и мы ставим диагноз:

— Раз вам не стыдно,— значит вы больны!..

Лечитесь, доктор!..

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Савосе (Казань).

„Мы гордимся, когда наши дети говорят правду“...

За отсутствием в редакции „Смехача“ детей, мы, взрослые, по обыкновению, солжем: ваш рассказ принят.

Вымосову (Череповец).

„Когда вы опомнитесь от впечатления, произведенного моей стишиной, то не судите ее строго!..

Мы ее вообще судить не будем, а так, в административном порядки, от равим в корзину

Туруманову (Остоженка).

„М и стихи навеяны тем, что люди в Крыму перегреваются на солнце и могут получить удар, без предварительного совета с врачем“...

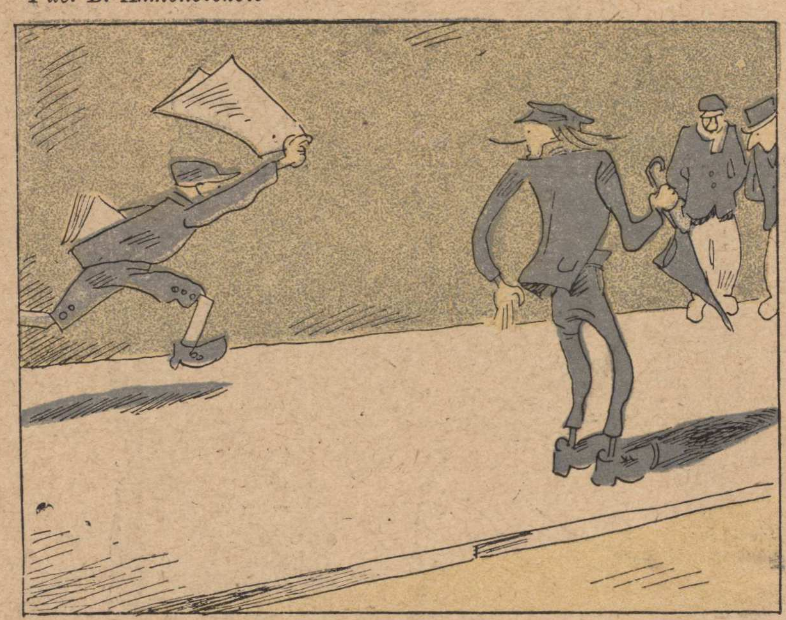
Увы! И вы, Туруманов, получите удар, без предв рительного совета с врачем: не пи ите стихов, ибо в ваших стихах бездарность борется с безграмотностью... Кто кого?.. Повидимому,— пока без результата...

Издатель — ГУДОК“ Ответ. редактор — И. Н. ПИРОГОВ.

Главлит № 93.335. Отп. в типографии „Искра Революции“ Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., 11. Тираж 110.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН ЗНАКОМИТСЯ С БЕРЛИНСКОЙ ПРЕССОЙ

Рис. Б. Антоновского *Текст Ив. Пруткова*

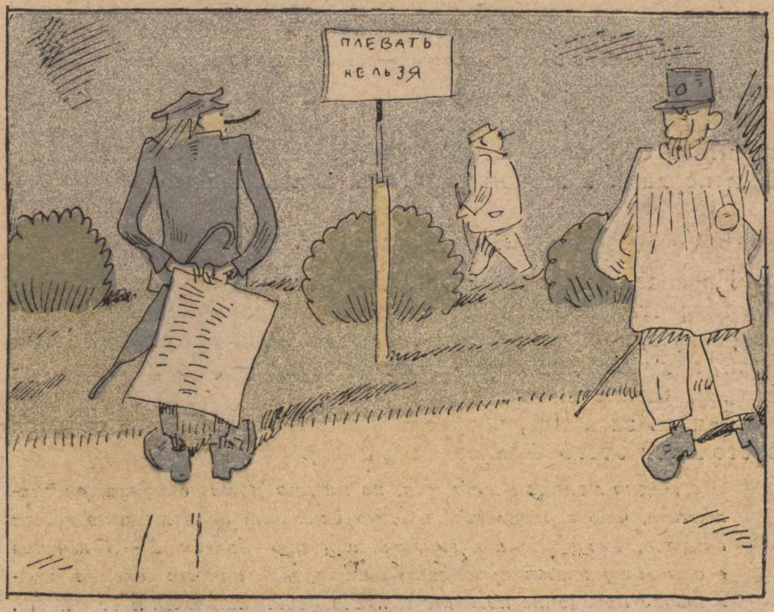
1. Газетчик на немецкий лад
Вопит: — „Вечерний Демократ“!
Падение Кремля в Москве!..
Рыбачьи бунты на Неве!..

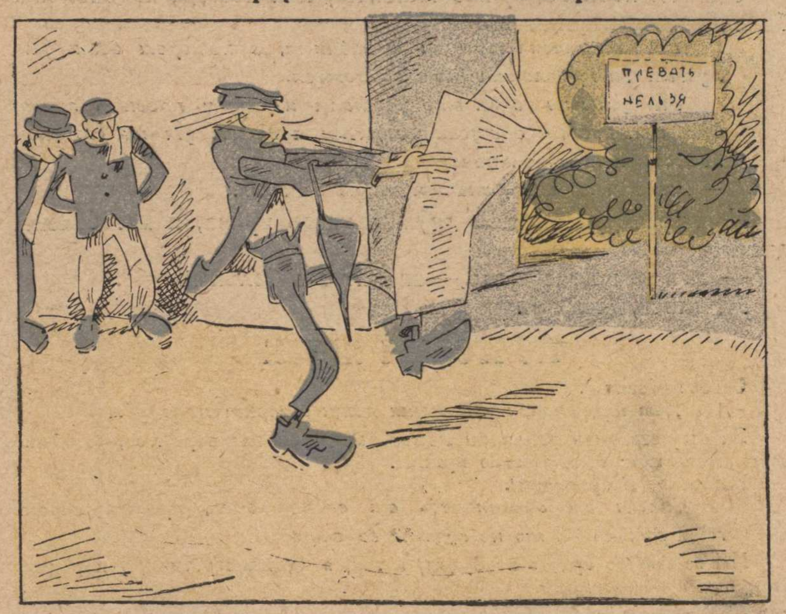
2. Евлаша приобрел листок..
Какой нелепой лжи поток!
Читать вранье — невмоготу...
Слюна противная во рту!

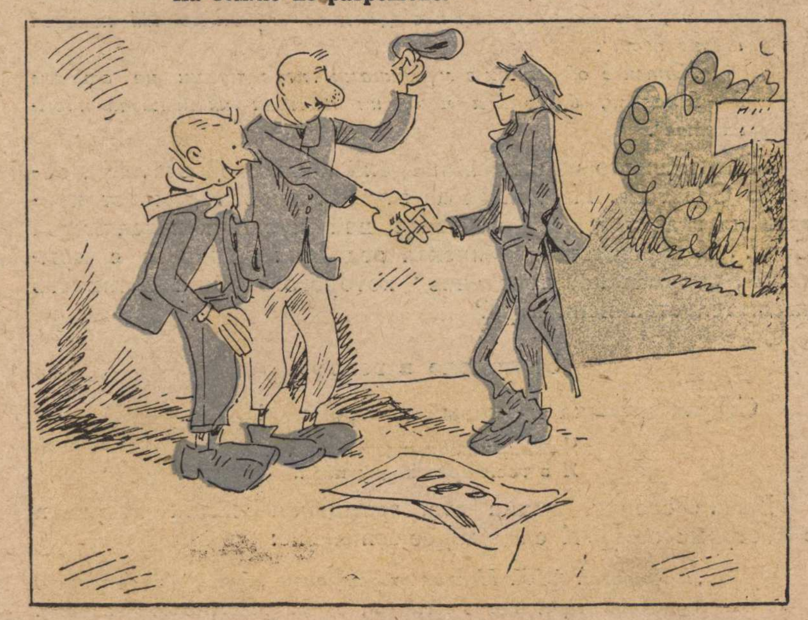
3. Охота плюнуть, что есть сил...
Но шуцман глаз к нему скосил:
— „Закон насчет плеванья строг—
Иль штраф заплатишь, иль — в острог!“

4. Евлампий плюнуть мчится в сквер,
Но страж и тут! — „Мейн либер герр,
Куда угодно плюйте, но...
На землю не разрешено!“

5. Такой порядок — острый нож!
— „Нельзя на землю? Ну так что ж!]
Со мной — газетка „Демократ“;
В нее я плюну аккурат!“

6. Приятней не было минут:
Герою с жаром руки мнут:
— Ура! Да здравствует комрад!
Тобою понят „Демократ“,
С рабочими ты заодно:
Мы тоже плюнули давно!